

ДМИТРИЙ КАРАЛИС
АЛЕКСЕЙ ДУНЕВ
АЛЕКСАНДР МАРТУСЕВИЧ
АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ
МИХАИЛ АНИКИН
СЕРГЕЙ АЧИЛЬДИЕВ
МАРИНА БОЙКОВА-ГАЛЬЯНИ
ЛЮДМИЛА ЛАПИНА
МАРИЯ ЗЕЛЕНКОВА
ВАЛЕНТИН ЛЯДАЩЕВ
ЮРИЙ ДРЮКОВ
ТАТЬЯНА БУРКОВА

БЛОКАДНАЯ КРОВЬ

РАССКАЗЫ,
СТИХОТВОРЕНИЯ, ЭССЕ

Марина Бойкова-Гальяни

**Блокадная кровь. Рассказы,
стихотворения, эссе**

«Издательские решения»

Бойкова-Гальяни М.

Блокадная кровь. Рассказы, стихотворения, эссе / М. Бойкова-Гальяни — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511246-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Данный сборник посвящён подвигу ленинградцев,
выстоявших в неимоверно трудных условиях 900-дневной блокады города на
Неве

ISBN 978-5-00-511246-0

© Бойкова-Гальяни М.
© Издательские решения

Содержание

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА. ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Дмитрий КАРАЛИС	7
БЛОКАДНАЯ КРОВЬ (сценарий документального фильма)1	7
АННОТАЦИЯ	8
Об авторе	14
Алексей ДУНЕВ	15
В МУЗЕЕ ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА	15
Алексей ДУНЕВ, Александр МАРТУСЕВИЧ	16
ТРИ ГОЛОСА	16
Раз в крещенский вечерок Девушки гадали...	19
Январь – март 2018, Санкт-Петербург	21
Андрей БУРОВСКИЙ	22
МИСТИКА И БЛОКАДА	22
Теневой Петербург	23
Блокада: материализация мифа	25
Привидения Блокады и Войны	30
В зданиях Петроградской стороны	32
Дом советов	33
Петербург 70% населения	34
Призрак погибшего автолюбителя	36
Призраки детей	37
Призраки непогребенных	38
Михаил АНИКИН	39
СТИХИ О БЛОКАДЕ	39
КОЛОКОЛ	40
СТАРАЯ ДЕВА	42
9 мая	43
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ	44
РУССКИЕ ГЕРОИ	46
сергей АЧИЛЬДИЕВ	47
ВОСПОМИНАНИЯ БЛОКАДНИЦЫ	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Блокадная кровь

Рассказы, стихотворения, эссе

Всем блокадникам посвящается...

Авторы: Каралис Дмитрий, Дунев Алексей, Мартусевич Александр, Буровский Андрей, Аникин Михаил, Ачильдиев Сергей, Бойкова-Гальяни Марина, Лапина Людмила, Зеленкова Мария, Лядащев Валентин, Дрюков Юрий, Буркова Татьяна

Оформление обложки Марина Григорьевна Бойкова-Гальяни

- © Дмитрий Каралис, 2021
- © Алексей Дунев, 2021
- © Александр Мартусевич, 2021
- © Андрей Буровский, 2021
- © Михаил Аникин, 2021
- © Сергей Ачильдиев, 2021
- © Марина Бойкова-Гальяни, 2021
- © Людмила Лапина, 2021
- © Мария Зеленкова, 2021
- © Валентин Лядащев, 2021
- © Юрий Дрюков, 2021
- © Татьяна Буркова, 2021

ISBN 978-5-0051-1246-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА. ПРЕДИСЛОВИЕ

Неумолимо бежит время, и все дальше в прошлое уходит подвиг нашего народа в эпические времена Великой Отечественной войны. Народ – это судьбы множества людей, их переплетения, особенно ярко проявляющиеся в переломные моменты бытия: революции, войны, которыми так богат оказался ушедший в вечность XX век.

Великая Отечественная война – страшное потрясение, пережитое нашим Отечеством. Блокада Ленинграда – неотъемлемая, к сожалению, часть Великой Отечественной войны. Эта страница нашей истории поражает беспредельным трагизмом. Наш народ выстоял и победил в страшной войне. Жители Ленинграда пережили его блокаду. О том, как это происходило, рассказывается в этом сборнике.

Подлинная правда о тех событиях обжигает и переворачивает души наших современников. Тяжелую, страшную, неудобную память о блокаде надо беречь, чтобы её знали следующие за нами поколения россиян, чтобы и наши потомки чтили подвиг народа, отстоявшего нашу Родину.

Многовековая история России – генетическая память россиян, наша поддержка и опора в современной, подчас трудной, ошеломляющей быстрыми изменениями жизни.

Память о подвигах народа соединяет историю и современность, делает россиян единой общностью людей, противостоящей всем вызовам нашего времени.

Людмила Лапина, составитель сборника «Блокадная кровь».

Дмитрий КАРАЛИС

**БЛОКАДНАЯ КРОВЬ (сценарий
документального фильма)¹**

¹ Премьера фильма «Блокадная кровь» состоялась 18 января 2018 года в Музее Победы на Поклонной горе, в день 75-летия прорыва блокады Ленинграда.

АННОТАЦИЯ

В фильме рассказывается, как во время блокады в Ленинграде работала «фабрика крови» – Институт переливания крови, снабжавший Ленинградский фронт и город важнейшим стратегическим ресурсом.

В фильме рассказывается, как в крови ленинградцев под влиянием экстремально длительного голодания и высочайшего психического напряжения произошли феноменальные биохимические изменения, имевшие значение для последующих поколений.

В фильме выдвигается гипотеза, что вынужденный 900-дневный «пост», пережитый блокадниками, дал послевоенное поколение с особой петербургской ментальностью и пассионарностью.

Всем, прошедшим ленинградскую блокаду, посвящается.

Тридцатые годы прошлого столетия. Советское руководство готовит страну к неминуемой войне.

Наряду с индустриализацией промышленности создается сеть станций переливания крови, разворачивается донорское движение, спешно готовятся медицинские кадры – число медицинских вузов в стране вырастает с 12 до 73. В Москве и Ленинграде создаются первые в мире Институты переливания крови.

Начинается война с Финляндией, и Ленинградский научно-исследовательский институт переливания крови (ЛИПК) оказывается в прямом смысле на передовой. В ЛИПКе работает экспедиционный отдел, который в любую погоду и на любое расстояние обеспечивает транспортировку консервированной крови. Никогда и нигде в мире подобного отдела не существовало.

В зимних лесах Финляндии проходят успешные испытания два новшества, созданные в лабораториях Института: «ленинградская ампула» на двести пятьдесят миллилитров со стерильной иглой на конце резиновой трубочки и кровезамещающий соляной раствор ЛИПК-3 для оказания экстренной помощи в боевых условиях². Это большой успех отечественной фронтовой медицины! Подобные растворы пытаются получить трансфузиологи США и Великобритании.

Одна из научных групп ЛИПКа начинает изучать биохимические свойства крови в зависимости от психологического состояния человека, и получает удивительные результаты. Эмоции человека способны превратить кровь из лечебного средства в угнетающий психику фактор. Но ученые не спешат делиться результатами исследований с научной общественностью – за насаждение идеализма по головке не погладят.

За время стодневной Финской компании 1939—1940 годов в строй возвращены тысячи раненных и обмороженных, бойцам перелито восемь тонн донорской крови.

После войны с Финляндией кровь в СССР признается стратегическим ресурсом наряду с военной техникой, углем, нефтью и электроэнергией. К знамени ЛИПКа торжественно прикрепляют Орден Трудового Красного знамени, а опыт института подлежит обязательному изучению военными медиками всех военных округов.

² Его создают в экспериментальной лаборатории будущий академик А. Н. Филатов и будущий доктор медицинских наук И. Р. Петров.

К 1941 году в СССР создается мощная, глубоко эшелонированная (от западных границ до городов Сибири) система донорских центров, связанных между собой транспортным сообщением. В стране работает 7 институтов, 170 станций и 1778 кабинетов переливания крови.

Начинается война, и в Ленинграде возле здания ЛИПКа на 2-й Советской улице колыхается стихийная очередь желающих сдать кровь для нужд фронта. Но большой надобности в донорах-добровольцах в Ленинграде пока нет. На донорские пункты является более тысячи проверенных штатных доноров, которых вызывают заранее подготовленными открытками.

Фронт стремительно приближается к Ленинграду. Масштабная эвакуация населения приводит к сокращению числа доноров.

Городское руководство принимает экстренные меры. За одну ночь по городу расклеиваются плакаты «За Родину!» с изображением девушки-донора и бойца Красной Армии, по радио и в газетах призывают поделиться кровью с защитниками города. И через пару дней под сводчатыми потолками ЛИПКа вновь гудит очередь. Город бомбят и обстреливают, но каждый день на сдачу крови проходит от 300 до 3000 ленинградцев.

Институт переходит на военное положение, но в его затемненных лабораториях не прекращается научная работа.

К концу августа 1941 года биохимическая лаборатория создает уникальные кровезамещающие и противошоковые жидкости. Одна из них – «Жидкость Петрова»³ – содержит всего лишь десять процентов универсальной крови первой группы, но творит чудеса при введении раненым. Другая приводит в чувства при болевом шоке, который является одной из главных причин смерти при тяжелых ранениях.

8-го сентября 1941 года вокруг Ленинграда смыкается железный обруч блокады – в нем оказывается полтора миллиона человек с запасами продовольствия на две недели и горючего на десять дней.

Фронтальной обруч сдерживают полмиллиона красноармейцев и краснофлотцев.

Немцы наступают на всех фронтах, в Москве паника, и Ставка дает отчетливый сигнал: город должен полагаться только на себя.

Начинаются нечеловеческие испытания голодом, холодом, бомбежками и обстрелами. Городские врачи фиксируют признаки истощения населения.

Немецкие ученые-пищевики, медики и военные дают прогнозы: сопротивление прекратится через две недели, город окончательно вымрет через месяц, от боевых потерь и ранений развалится фронт, оставшиеся в живых красноармейцы перебьют комиссаров и поднимут руки. Генерал-майор Кнут, уже назначенный комендантом Петербурга, рассылает приглашительные билеты на банкет победителей в «Асторию» и печатает пропуска для передвижения по городу.

Но город не собирается умирать и рушит все расчеты немцев. Работают заводы, фабрики, школы, институты. Работают почта и поликлиники. Работают библиотеки и театры. Слово «блокада» не произносится – город считается на осадном положении, но ленинградцы понимают, что на них с надеждой смотрит вся страна. Выстоит Ленинград – выстоит страна! Выстоит Ленинград – выстоит мир. Отступить некуда.

Приходят дни, когда расстояние измеряется шагами, хлеб – граммами, а температура в минус пять градусов считается естественной комнатной температурой. Каждый день заснеженными тропками к старинному зданию института приходят бледные ленинградцы. Большинство доноров отказываются от компенсаций, передавая деньги в фонд обороны.⁴

³ Непосредственное участие в создании препарата принимал будущий академик А. Н. Филатов, который после отъезда Петрова в Самарканд, создал еще несколько высокоэффективных кровезамещающих и противошоковых препаратов, содержащих наркотические и антисептические вещества.

⁴ Вскоре этих кровных денег хватит на самолетную эскадрилью «Ленинградский донор», которая будет воевать в ленинградском небе.

Кровь для нужд фронта пытаются сдать даже седые старики и школьники. Они умоляют медперсонал взять хотя бы семьдесят или пятьдесят миллилитров для общего дела, но врачи неумолимы.⁵

До конца 1941 года кровь сдают 35856 человек⁶.

Кровь из замерзающего города теплым ручейком поступает на фронт, питает жизненной силой тысячи своих защитников.

Вскоре ученые ЛИПКа замечают, что блокадная кровь отличается от довоенной по биохимическому составу. Она «легчает», светлеет и вместе с тем обретает новую энергетику. Как тот ландыш, что зацвел среди зимы – землю в горшочке случайно оросили донорской кровью.

Сотрудники института переходят на казарменное положение – они живут и работают в лабораториях и мастерских. Для наиболее обессиленных создается профилакторий. Ученые умирают от голода, но проводят исследования на себе – описывают алиментарную дистрофию, меняющиеся свойства крови. Пишутся статьи и диссертации. На Ученом совете звучат доклады и планы, которые необходимо выполнить в условиях трагического эксперимента.

Зафиксированные в блокадные годы результаты до сих пор изучаются. Они позволяют понять генезис системных изменений организма в экстремальных, нечеловеческих условиях с высокой концентрацией духовной собранности. Иными словами, как соотносится длительное голодание и сильнейшее нервно-психическое напряжение с волей к жизни и победе.

ЛИПК переходит на заготовку универсальной нулевой (первой) группы крови и начинает в массовом порядке выпускать «Жидкость Петрова» в «ленинградских ампулах».

На близкий фронт отправляется и традиционная консервированная кровь. Всезнающая американская пресса пишет: «Медсестры в Красной Армии всегда имеют при себе 200 граммов (примерно 6½ унций) крови „универсального“ типа в специальной ампуле, снабженной стерильной резиновой трубкой, иглой и фильтром. Таким образом, переливание крови раненому можно сделать еще до выноса с поля боя».

Основными причины гибели раненых на поле боя остаются болевой шок и кровопотери. ЛИПК в короткие сроки осваивает «Таблетки Петрова», которые растворяются в ста граммах стерильной воды с добавлением все тех же 10% крови. Раствор применяется для снятия болевого шока, острой кровопотери, аэробной инфекции, сепсисе, вторичной анемии. Попросту говоря, ампула раствора, полученная из таблетки и минимума консервированной крови, вытягивает бойца с того света. Вскоре оказывается, что таблетка может давать эффект даже при отсутствии консервированной крови! Достаточно растворить ее в воде и ввести солевую жидкость струйным или капельным методом в организм раненого. Бутылочку с водой, в которой разводят таблетку, бойцы называют «четвертинкой», по аналогии с маленькой бутылкой водки.

Совсем иначе обстоят дела в германской армии. «Кровный вопрос» в Третьем рейхе относится к категории сакральных. Еще до войны идея донорства в фашистской Германии спотыкается о теорию чистоты арийской крови. Идеология мешает практической медицине. Теоретики расового превосходства настолько мистифицируют представления о крови, что медики Рейха приостанавливают многие разработки в области гемотрансфузии⁷. И к началу войны с СССР в германской армии, настроенной на блицкриг, не оказывается фронтовой службы крови. И лишь после тяжелых потерь немецкие медики пытаются брать кровь для переливания у военнопленных.

Но организмы пленных красноармейцев «не хотят отдавать кровь солдатам фюрера» – как по причине ничтожного питания в лагерях, так и в связи с психологическим шоком.

⁵ Донорами могли быть граждане, достигшие 18-летнего возраста и не старше шестидесяти лет. В блокадные годы, вплоть до 1943 года, разрешалось брать у доноров не более 170 миллилитров крови за один раз.

⁶ В сорок втором году кровь в блокадном Ленинграде сдали 50 000 человек, в 1943 – 18 000 тысяч. Желающих сдать кровь было больше, но до 20% доноров отводилось по медицинским и санитарным соображениям.

⁷ Известно заявление Гимmlера: «Где бы на Востоке вы ни нашли ценную кровь – либо изымите ее, либо уничтожьте».

Сосуды сужаются, пульс уменьшается, и русская кровь не хочет бежать в немецкие пробирки и баночки. Тридцать семь концлагерей на территории тогдашней Ленинградской области (она включала в себя некоторые нынешние самостоятельные области) не могут дать донорскую кровь в требуемых объемах.

Иное дело дети! Детская кровь считается у фашистов чистой от житейских страхов, к тому же легко извлекается из доверчивого организма. При полном извлечении крови умерший ребенок называется полным донором. На полных донорах специализируются детские концлагеря в Белоруссии⁸ и Прибалтике⁹. Но и этой крови скоро перестает хватать германской армии. Для сравнения: в СССР донорство разрешалось с 18 лет, фашистские «врачи» выкачивали кровь даже у годовалых младенцев.

Но под Ленинградом только один детский концлагерь – в поселке Вырица, и заключенных в нем полторы сотни детишек используют для переливания крови высшему офицерскому составу.

К зиме обе воюющие стороны несут под Ленинградом большие потери. Мясорубкой для обеих сторон становится «Невский пятачок».

В самую лютую пору осады Ленинграда, а именно в декабре 1941 года, газета «Нью-Йорк таймс» пишет:

«По сообщениям женевакого корреспондента агентства Оверсис Ньюс, в швейцарских медицинских кругах заявляют, что одна пятая часть германских солдат и офицеров, раненых на советско-германском фронте, погибает в связи с тем, что в условиях суровой зимы им не может быть сделано переливание крови. Особенно много раненых погибает в Ленинградском районе...»¹⁰

Представитель штаба сухопутных войск генерал-лейтенант Паулюс (через два года он сдаст под Сталинградом два десятка дивизий и отправится в советский плен в чине фельдмаршала) прибывает с инспекционной проверкой в район станции Мга. Неподалеку, на Невском пятачке, гибнут в изнуряющих рукопашных боях любимцы фюрера – 7-я авиадесантная дивизия Вермахта, за два дня отбившая у англичан остров Крит. Раненых в кровопролитных боях на Невском пятачке спасти не удастся – в госпиталях нет донорской крови. «А откуда берут кровь русские?» – интересуется Паулюс. И получает обескураживающий ответ: из заблокированного Ленинграда. «Черт побери! Кто кого заблокировал – мы русских или они нас?! Откуда в замерзшем голодном городе донорская кровь?» – «Русские разбавляют кровь жидкостью из таблеток!» – «Учитесь, клистирные трубки!» – кидает разгневанный Паулюс медикам.

Остатки авиадесантной дивизии выводят с Невского пятачка и отправляют на отдых во Францию, а многочисленная немецкая агентура в Ленинграде начинает охотиться за секретом изготовления жидкости и таблеток Петрова.

Ставится задача перехватить готовые препараты при их доставке в прифронтовые госпитали.

ЛИПК и шесть его филиалов в разных районах города целенаправленно обстреливают и бомбят. Крупные снаряды с Вороньей горы рушат близлежащие дома, случаются прямые попадания в старинное здание института, на его крышу сыплются зажигалки, гибнут доноры, идущие поутру сдавать кровь.

⁸ : В Беларуси было 16 детских концлагерей: Малый Тростенец, деревня Пальковичи, деревня Ала, городской поселок Паричи, поселок Азаричи, деревня Лучицы, город Мозырь, город Брест, деревня Скобровка, деревня Польшковичи, деревня Красный Берег и др.

⁹ В одной только Латвии было два десятка детских концлагерей, куда свозились дети из разных областей СССР, включая Ленинградскую, – в Саласпилс, Дубылты, Булдари, Майори, в Риге, Резекне и т. д. Число погибших в них составляет не менее 50 тысяч детских душ.

¹⁰ Цитируется по материалу ТАСС, опубликованному в газете «Красная звезда» от 26 декабря 1941 г.

В ЛИПКЕ, как и везде, нет электричества, тепла, воды. Стерилизаторы и мойку донорской посуды переводят на дровяное отопление, центрифуги крутят вручную, воду возят с Невы и стерилизуют в дровяных автоклавах. Скоро дистиллированную воду начнут получать из снега, в котором утопает город.

На складе института заканчивается неприкосновенный запас стерильной посуды. Помочь берется завод «Светлана», но выпустив пробную партию, отказывается: не хватает специального кварцевого песка, который идет на выпуск радиоламп для военных радиостанций. В ЛИПКЕ находят выход. На склад стеклотары, что за Московской заставой, под самым носом у врага, отправляются медсестры и научные сотрудники. Днем они выковыривают из слежавшихся ледяных глыб белые водочные бутылки, а по ночам грузят их в кузов автомобилей.

Многие доноры приходят сдавать кровь со своей посудой. Школьники Смольнинского района собирают бутылки по квартирам и чердакам, приносят их в институт.

Смертность в Ленинграде растет ужасающими темпами. Возникает опасность потерять доноров и стратегический ресурс – кровь, которая стала оружием голодного города.

Руководство института бьет тревогу, и в декабре 1941 года Военный Совет Ленфронта выносит уникальное постановление о специальном донорском пайке из фондов Ленфронта. Каждому донору, в дополнение к общегородскому снабжению по первой категории (рабочей карточке), полагаются продукты из расчета 1050 калорий в день. В блокадном городе кровь становится приравненной к ценнейшим видам оружия и боевой техники. Устанавливается число штатных доноров с универсальной первой группой крови – 5000 человек.

В лютые декабрьские дни сорок первого доноры начинают получать специальное питание по норме – хлеб белый 200 г, мясо 40 г, рыба 25 г, сахар 30 г, кондитерские изделия 25 г, крупа 30 г, масло 30 г, яйцо 0,5 шт. Паек выдается на десять дней в периоды кровосдач. Помимо пайка, в день сдачи крови донору полагается обед в столовой ЛИПКА. Но рацион донорского пайка не падает в блокадном городе с неба. Специальный «донорский магазин» на Старо-Невском¹¹ часто встречает обладателей заветных карточек пустыми полками.

К середине зимы Ленинградский институт переливания крови становится единственной «фабрикой крови – фабрикой жизни» в блокадном городе – все остальные районные станции выведены из строя бомбежками и обстрелами.

Но заявки фронта на кровь выполняются безукоризненно. Кровь и кровезамещающие препараты везут в чемоданах и специальных утепленных сумках на 2, 4 и 6 литров каждая. Везут на грузовиках в изотермических ящиках, выпуск которых налажен в ЛИПКЕ. Везут на лыжах и санках прямо до линии фронта.

Экспедиционный отдел посылает на фронт выездные «бригады усиления» с медицинским фургоном. Пара женщин-военврачей с пистолетами и безоружная медсестра везут «жидкость и таблетки Петрова», учат фронтowych медсестер работать с препаратами и приборами, разработанными в ЛИПКЕ. Одна из новинок, созданных в голодающем городе, – аппарат А. Д. Белякова для прямого переливания крови. Он становится незаменимым помощником фронтowych медиков.

На исходе страшной зимы сорок первого года военной медицине Германии удастся получить потрепанную взрывом сумку с консервированной кровью и кровезамещающими препаратами из блокадного Ленинграда. Сохранившиеся бутылочки отправляют самолетом в Берлин. Анализ на новейшем электрофизическом оборудовании дает необъяснимые результаты: ленинградская кровь изменена на клеточном уровне. В Центральном госпитале Берлина кровь и «Жидкость Петрова» вливают тяжелораненым, и солдаты поднимаются с коек, полные сил и жаждущие борьбы.

Мистика!

¹¹ Дом на нечетной стороне Старо-Невского в створе Дегтярной улицы.

Кровь неизвестного расового происхождения и жидкость какого-то русского доктора Петрова обладают загадочной силой! Откуда? Почему?

Светила немецкой трансфузиологии теряются в догадках. Кровь ленинградцев получает негласное название «Несломленная кровь».

Глава СС Генрих Гиммлер, идеолог тайной организации Третьего Рейха «Анабербе»¹², докладывает о результатах исследования Гитлеру. На докладе тут же ставится гриф «Для узкого круга! Совершенно секретно!» Нацистский доктор Йозеф Менгеле, ставящий безжалостные опыты над заключенными в Бухенвальде, просит добыть для его лаборатории донорскую кровь из блокадного Ленинграда.

За бригадами, везущими на Ленинградский фронт трансфузиологические препараты, начинают охотиться диверсионные группы.¹³

За годы блокады ЛИПК дал фронту 144 тонны крови. Это 100 эшелонов стратегического военного ресурса. Так и видишь эти символические вагоны, идущие из блокадного города на фронт.

Ленинградская кровь, до сих пор остающаяся загадкой для молекулярной генетики, передается из поколения в поколение, стучит в сердцах детей, внуков и правнуков.

Некоторые генетики считают, что можно говорить об особой петербургской пассионарности, связанной с мутацией крови под влиянием экстремальных физических и психологических факторов. На коммуникативном уровне феномен блокадной крови отчетливо проявляется в гипер-энергетике при внешней эмоциональной сдержанности и немногословности, ставших характерными для нескольких поколений петербуржцев-ленинградцев.

Сейчас, когда биоинформатика легко определяет генетические гаплогруппы и устанавливает маршрут миграции наших далеких предков, блокадный след «непокоренной крови» и характерный ленинградско-петербургский стиль в поведении коренных горожан уже не кажутся красивыми вымыслами. А сами понятия о «кровной мести», «кровной клятве», «голосе крове» и «генетической памяти» переходят из былинной лексики в терминологию биоинформатики.

В июне 1944 года в стране вводится звание «Почетный донор СССР» – оно присваивалось лицам, сдавшим кровь не менее сорока раз для нужд фронта: его получают 2000 ленинградцев¹⁴. Еще три тысячи штатных доноров не дожили до сорок четвертого...

В фильме предполагается взять интервью у петербуржцев, чьи родители пережили блокаду, и немногочисленных уже – увы! – блокадников. Это известные политики, деятели науки и культуры, простые люди с непростыми судьбами и характерами. Они расскажут о чувстве города и родины, впитавшемся в них с молоком матери, с воздухом родного двора и улицы, с кровью родителей, переживших блокаду.

Октябрь 2016 г. Город-герой Ленинград – Санкт-Петербург.

¹² Одна из целей «Анабербе» – выведение голубоглазого сверхчеловека, обладающего уникальными физическими и духовными качествами.

¹³ Этой теме будет посвящен художественный фильм, над сценарием которого сейчас работает автор.

¹⁴ В том числе и мать автора этих строк. Горжусь!

Об авторе

Каралис Дмитрий Николаевич, член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор пятнадцати книг прозы и публицистики, лауреат пяти международных и общероссийских литературных премий за прозу, публицистику и сценарий документально-исторического фильма.

Алексей ДУНЕВ

В МУЗЕЕ ОБОРОНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Глазами детей двадцать первого века
Увидеть страдания прошлой войны,
Чтоб с раннего детства вложить в человека
Стремление к миру и чувство вины...

Вины за агрессию в голосе, жесте,
За слово, что с губ сорвалось невпопад.
За все мы в ответе. И дети все вместе
На злые страдания молча глядят.

Блокадные кадры, где трупы и дети,
Упрямые взгляды и сила в глазах.
Ничто так не ценится больше на свете,
Как мир на Земле и достаток в домах.

Война и Блокада для города слиты
В едином понятии – *Подвиг людей*.
Букеты, как память, лежат на граните.
И стелы, как стражи, среди площадей.

Глазами детей двадцать первого века
Посмотрит весь мир и увидит себя:
Погрызшего в склоках и дрязгах калеку,
Живущего глупо, планету губя.

Пусть лучше увидят глаза мальчугана
Блокаду как стойкость и силу людей!
И прошлое свято в глазах ветеранов.
И связь поколений пусть будет прочней!

Алексей ДУНЕВ, Александр МАРТУСЕВИЧ

ТРИ ГОЛОСА Блокадная баллада

Сегодня вытащили из сумки кошелек. Был он уже старенький, потертый, заношенный. Давно собиралась купить новый. Там и денег-то было немного, чтобы из-за этого переживать и расстраиваться. Но в нем лежала мамина фотокарточка, которую всегда носила с собой. И сейчас такое чувство, как будто у маленького ребенка отняли что-то очень дорогое. И хочется плакать от тоски, обиды и бессилия.

В моем сознании все время звучит мамин голос. Я как будто постоянно веду с ней бесконечный разговор. Отчитываюсь, что произошло за день, советуюсь, как поступить, спорю, оправдывая себя и подбирая доводы для моих завиральных идей. Если раньше, когда мама была жива, от нее еще можно было что-либо скрыть, то теперь... Мама живет в моем сердце, и все, что знаю я, известно и ей.

Иногда ловлю себя на том, что говорю, как мама, именно так, как сказала бы она. Подбираю слова и использую интонации, точно те же, что слышала от нее. И эта мамина история уже стала моей. Наши голоса сливаются в один, когда звучит рассказ о страшной первой блокадной зиме в Ленинграде. Города с таким именем уже нет на современной географической карте, но он... есть, он живет в памяти нашего народа.

Мама рассказывала историю, точнее – семейное предание. Еще в детстве я выучила все наизусть.

Как сейчас помню, дочка, как первый раз отправили меня одну за хлебом. На улице страшно. Там могут налететь фашистские самолеты и бомбить. Но надо идти. Мама болеет, она лежит на кровати у стены и сильно кашляет. Самодельная печка-буржуйка сожрала почти всю мебель в комнате, и все равно не справляется со своей обязанностью. Все время холодно. Мы спим одетыми. Это было в декабре 1941 года. Самая страшная зима Блокады.

То ли от внутреннего страха, то ли от неумения, стала возиться с ключом у двери. Я ее раньше никогда до этого сама не запирала снаружи. За мной выскочил Малыш, щенок. Он еще осенью забежал к нам во двор, во время очередного авианалета, когда где-то совсем близко вдруг загрохотало, земля содрогнулась, и посыпалась штукатурка с фасада нашего дома. Я услышала жалобное поскуливание, вышла на улицу и увидела это крохотное создание, с такими большими испуганными глазами. Щенок остался у нас. Я уже была большая, мне шесть лет, а щенок маленький, поэтому – Малыш.

Вышла во двор, знакомый и родной. Но в тот день он показался мне страшным и чужим. Проходя через детскую площадку, все время оглядывалась по сторонам, чтобы увидеть кого-нибудь знакомого, с кем можно пойти дальше. Но никого не было. Осторожно вышла на проспект, но и там – никого. В мирное время наш Кировский проспект казался мне широким и красивым. А сейчас я увидела несколько тропинок между сугробами, вот во что превратился наш проспект. Пройдя два квартала, я оглянулась: Малыш плетется за мной.

– Пожалуйста, милый, не отставай, – сказала я ему.

Когда я разговаривала с Малышом, мне было не так страшно. Щенок трогательно вильнул хвостом. Я даже немного осмелела. Хлебная лавка находилась за поворотом. Пройдя еще несколько шагов, я вдруг услышала визг за спиной. Обернувшись, увидела, как двое оборванцев схватили моего щенка и тащат в подворотню, а песик скулит и трепыхается. Меня охватил

такой ужас, что я даже не смогла закричать. Только шагнула в страшную темноту нависающего дома и увидела, как один из подростков бьет Малыша камнем по голове. Из-за слез, которыми наполнились глаза, я больше ничего не видела, но все уже поняла.

Мама говорила, чтобы я не выпускала щенка из квартиры, объясняла, что на улице его могут поймать оголодавшие горожане. Но как это – съесть мою собаку, я даже представить не могла. Это случилось так быстро и... ничего нельзя вернуть. Убийцы моего Малыша скрылись в подворотне. Слезы душили меня, ведь я так любила свою собаку... кроме щенка и мамы у меня никого нет! Я уже хотела повернуться назад, и вдруг вспомнила. Мама! Она же лежит больная и не может встать с кровати. А я приду без хлеба?

Страх за маму погнал меня вперед, к магазину. На углу толпились люди. Большая тяжелая дверь булочной была закрыта, а через окошечко работница выдавала небольшие свертки. Я встала за бабушкой, который опирался на палочку. Понимала, что нужно отдать карточки и мне дадут хлеб. Так делала мама. Я зажала карточки в рукавичке и так стояла, думая о Малыше. Слезы замерзали на моих щеках, превращаясь в соленые льдинки.

Вдруг какая-то женщина, как порыв ветра, налетела на меня сзади, толкнула в снег и выхватила хлебные карточки, такие дорогие для меня – ценою в мамину жизнь. Я вцепилась женщине в ногу. Стоявший впереди дед с неожиданным проворством ухватил воровку за рукав и повалил на землю.

– Ах ты тварь! Это же ребенок! – закричал он.

И тут уже вся очередь набросилась на грабительницу. Но карточки все еще оставались у нее. На всю жизнь запомнила обезумевшие глаза этой женщины. Она притянула руку ко рту и стала с остервенением и жутким рычанием жевать мои хлебные карточки. Я все еще лежала в снегу и смотрела на ту, которая решила выжить ценою жизни других. Она закашлялась, и клочок недожеванной и окровавленной бумажки оказался на снегу. Я смотрела на него и не понимала – что мне теперь делать?

Я не слышала свистков и не видела подбежавшего патруля. Все это я осознала уже позже, многократно вспоминая эту историю. Меня тряс за плечи военный:

– Как тебя зовут?

Голос долетал как будто издалека. Я не сразу ответила.

– Галя.

– Где ты живешь? – он держал меня за руку и осторожно вытирал слезы с моего лица, но я молчала, видимо, я не могла говорить...

Опомнилась, уже сидя на мягком диване, в правой руке у меня ложка, которой я ем похлебку, а в левой... о боже... плитка шоколада! Никак не решалась развернуть обертку. Оказалось, что подобравший меня офицер, не добившись адреса, привел, а точнее, как куклу, принес меня к себе домой. Только поев и отогревшись, я рассказала, что мою маму зовут Людмила и мы живем на Кировском проспекте.

Сергей Леонидович, так звали моего спасителя, отвел меня домой. Товарищ капитан – мой новый друг – вернулся на следующий день с доктором и продуктами. Это, наверное, все, что у него тогда было. Оставленные еда и лекарства, а еще любовь к жизни и дочери, подняли маму на ноги. Меня так и не решились отправить на большую землю. Сергей Леонидович поддерживал нашу семью. Он помог оформить новые хлебные карточки и с тех пор часто заходил к нам. Он служил в охране военного завода, сопровождал ремонтные бригады, отправлявшиеся на передовую для восстановления подбитых танков. А семья его: жена и дочь – погибла во время артобстрела. Вскоре после Победы, мама и мой друг, капитан, поженились.

Всегда чувствовала, что за мамой стоит какая-то мистика. В детстве легко верится в волшебство. Еще до войны каждый вечер у двери мама делала какие-то пассы и что-то нашептывала, отгоняя от дома беду. Выразить это словами практически невозможно. Это чувствуешь кожей и видишь внутренним зрением памяти.

В наши сытые семидесятые, будучи уже школьницей, я просила:

– Мама, расскажи еще о блокаде.

– Я же ребенком была, кроме той истории с хлебными карточками, мало что помню. Холодно и голодно было... но все понимали – война. Поговори с бабушкой – она больше помнит.

Бабушка не любила говорить о войне... но то, что она поведала мне незадолго до своей смерти, навсегда останется в моей памяти.

Назвали меня Людмилой благодаря русскому поэту. Нет, не Пушкину, а Жуковскому. Отец, подтрунивая, часто обращался ко мне: «Где ж, Людмила, твой герой? Где ж твоя, Людмила, радость?» И звали меня в семье Людмилой, и никаких уменьшительных вариантов не принималось. Так вся жизнь прошла под звездой баллад Василия Андреевича.

Глупые мы были, девчонки суеверные. В голодный 1924 год собрались мы погадать. Заправляли гаданием мои подруги – сестры Татьяна и Ольга. Ольге, как и мне, было уже шестнадцать, а сестра, кажется, на год нас старше.

18 января всегда считался самым правдивым днем святочных гаданий.

Раз в крещенский вечерок Девушки гадали...

Татьяна заставила нас снять с себя нательные крестики и пояса, развязать все узелки на одежде и распустить косы.

Мы были готовы на все, потому что нам так хотелось заглянуть в будущее.

Гадали по-всякому: на яйце, на свечке. Потом на стаканчиках. Ольга достала из буфета маленькие стаканчики, и в каждый мы положили соль, сахар, колечко, кусочек хлеба, монетку, спичку.

Таня стала объяснять:

– Соль – к слезам, значит, печалиться, плакать. Сахар – к сладкой жизни, удаче. Хлеб – хлебная, сытая жизнь будет. Денежка – к богатству, чего тут не понять. Кольцо – замужество, скоро замуж выйдешь. А спичка – к ребенку.

Мы с Олей захохотали.

– Тише вы! Спугнете!

Перемешали стаканчики, тянули, смотрели – кому что досталось, охали, в общем, развлекались. А потом Татьяна предложила самое страшное гадание – на любовь. В памяти всплыли пушкинские строки:

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.

На любовь гадать нужно, конечно, перед зеркалом, при свечах...

О выглядывании суженого в зеркале слышали все, некоторые даже это делали, но почему-то немногие рассказывают о том, что они увидали.

Дошла очередь и до меня. Девчонки расположились за моей спиной. Шепчутся, а мне смешно. Пытаюсь в зеркале что-то рассмотреть. Там темно, аж глаза заслезились. До сих пор помню, что меня поразила одна мысль: отражения линий в сочетании света и цвета могут производить помрачение сознания до онемения в руках и ногах.

Помнишь, как у Жуковского:

Все утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...

И вдруг вижу: из зеркала прямо на меня смотрит человек. Взгляд выразительный и добрый. А еще усы. И одет странно. В зимней шапке с пятиконечной звездой. Форма какая-то, на вороте ромбики, значки непонятные. А потом словно ветер подул, и я без чувств упала. Девчонки мои перепугались, думали, я умерла. Это, наверное, обморок голодный был. Тогда все малокровием страдали. А после 25-го года всех нас судьба разбросала. Татьяну родители увезли в Москву и там выдали замуж за генерала. В Гражданскую генералами молодые становились. Ольгу, младшую сестру, сосватал агроном и увез в Вятку. Я поступила в медицинский

и уже на втором курсе вышла замуж за студента-медика. Был он, Галин отец, совсем не похож на увиденного мной в зеркале усача.

Мой муж стал врачом. Помню его гладко выбритое белое лицо, пухлые губы, крупный с горбинкой нос. Обычно он сидел, согнув ногу треугольником, положив ее на колено другой. Он поддерживал свое бедро прекрасными матовыми руками хирурга и, улыбаясь, смотрел на меня, слегка снисходительно, своими умными серыми глазами.

Жили и жизни не чувствовали. Учились, работали. А она, жизнь, текла сквозь нас, как вода в роднике, пока есть, ее и не замечаешь.

Его арестовали ночью. Просто пришли, перерыли всю квартиру и забрали мужа. А потом назвали все это делом врачей. Меня с дочкой сразу не тронули, хотя каждую ночь ждали, что за нами придут. У двери всегда стоял чемоданчик с необходимыми вещами, чтоб долго не собираться. Потом уже поняла: нас оставили в покое только благодаря моему отцу, он до войны работал в Совнарком по линии Коминтерна. Галинка тогда еще совсем малюткой была. А от нашей квартиры на Кировском нам сохранили только одну комнату...

Я и забыла свое видение. А в декабре 1941 года шестилетняя Галя привела в дом усатого капитана с ромбиками в петличках и звездой на шапке. Сергей Леонидович спас нас во время Блокады. Вот как бывает, обезумевшая женщина, съевшая наши карточки, помогла мне найти моего суженого.

И тебя, моя внученька, назвали благодаря Жуковскому. И его слова – тебе охранная грамотка на всю жизнь.

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла!

Созвучие разных поколений всплывает в одном едином чувстве удивления этой жизнью. Случай и предназначение – две стези человеческого существования. Так устроен этот странный мир: человек не знает, что ждет его в будущем. Интригу составляет особое свойство – необратимость времени, то есть невозможность вернуться в прошлое и начать все сначала.

Когда я иду по моему городу, который носит имя Святого Петра, то вижу в нем черты бабушкиного Петрограда и мамино блокадного и послевоенного Ленинграда. И бабушка, и мама навсегда остались в этом городе, меняющем имя, но сохраняющем характер. Петроград – Ленинград – Петербург – три голоса разных поколений сливаются в один. И в шуме ветра звучит блокадная баллада. Судьба человека мерцает далеким светом маяка в истории города и истории страны.

Январь – март 2018, Санкт-Петербург

Андрей БУРОВСКИЙ

МИСТИКА И БЛОКАДА

Теневой Петербург

Атеисты и записные «материалисты» могут протестовать, но в каждом городе есть своя «теневая» сторона. Город – явление более чем материальное, но назовите мне не то, что город... назовите мне крохотную деревушку, в которое не происходит ничего загадочного. В любом месте, где живет человек, происходят явления, которые мы не в силах объяснить рационально.

Возможно, дело в слабости нашего рационального знания: наверняка есть в мире много такого, что мы еще не знаем и не понимаем. Возможно, мир вообще устроен совсем не так, как мы привыкли думать. Возможно, в нем действуют силы, которые не имеют никакого отношения к материальному.

В любом случае по ту сторону прозаических площадей, проспектов, домов и водопроводов таится НЕЧТО. Это НЕЧТО мало понятно для нас, но мы постоянно сталкиваемся со странными, загадочными явлениями. Это происходит во всех населенных пунктах, – везде, где постоянно живут люди. У всех деревень и городов есть «та сторона» – но у Петербурга некая «темная сторона» намного сильнее обычного.

В Петербурге есть много удивительных мест, где постоянно нарушаются привычные законы природы. В Петербурге постоянно провозглашаются предсказания – и что самое невероятное, хотя бы некоторые из них сбываются. В Петербурге постоянно встречают тех, кого уже нет в нашем мире. Так не должно быть, согласно нашим представлениям – но так есть.

Петербург – самый «привиденческий» город России. Во всей громадной России, где живет 14 миллионов людей, за год, десятилетие, за век происходит меньше встреч (или «встреч»?) с привидениями всех видов, чем в одном Петербурге с его 5 миллионами населения. Шанс столкнуться с Неведомым у петербуржца в десятки раз выше, чем у обитателя любого другого города в любом другом регионе России, и больше, чем в любой точке Европы. Даже в Лондоне с его 10 миллионами населения привидений не больше.

Это мифы? Да! Мне на раз доводилось писать о том, что Санкт-Петербург – не просто город исключительный. Это город – миф. Мифологизировано его создание, обстоятельства его возникновения и роста, даже петербургский климат, даже цвет его домов, его краски.

Петербургцы традиционно любят мифы о своем городе: мифы о создании города на пустом месте, его ужасном климате, чудовищных наводнениях, о построении города на костях его строителей...

Исторические мифы возвеличивали жителей Санкт-Петербурга и как стойких, сильных людей. И как причастных к рукотворному чуду. Государство охотно поддерживало эти мифы: ведь Россия построила город на месте пустого финского болота; совершила немыслимое, невозможное. Чем правдивее истории про гиблое пустое место, бывшее здесь до Петербурга, чем больше людей пришлось погубить в борьбе с болотами и наводнениями – тем больше чести могучей Российской империи.

«Небываемое бывает» – велел выбить на памятной медали Петр Первый на медали, выпущенной по случаю «никогда бываемой виктории». Виктория состояла в том, что 5 мая 1703 два шведских корабля – десятипушечный бот «Гедан» и восьмипушечная шнява «Астриль» – были захвачены не военными судами, а лодками с русскими пехотинцами.

Так на территории будущего Петербурга начало происходить всяческое «небываемое». И при его закладке Петербург начался с «Небываемого».

Легенда гласит, что 16 мая 1703 года Петр Первый установил на Заячьем острове подобие ворот будущего города. И тут же «неизвестно откуда взявшийся орел опустился на перекладину. Петр взял его, посадил на руку и вошел в еще несуществующий город»¹⁵.

Иногда проводятся даже очень конкретные, и потому особенно красочные детали. Например, что сбил орла выстрелом из ружья ефрейтор Одинцов, и что Петр перед тем, как посадить орла на руку, перевязал ему ноги своим платком¹⁶.

Вообще-то Петра на Заячьем острове не было с 11 по 20 мая, и при закладке острова он не участвовал. Вообще-то орлы в устье Невы не появлялись. Никогда.

Но это, конечно же, чистой воды скучная проза. Подумаешь, был там Петр, или не был, был там орел, или его придумали. Разбирайся тут, да и зачем разбираться?! Легенда гласит о «небываемом» – на то и легенда.

Исторические и географические мифы Петербурга жили... по сути дела, жили на протяжении всей его истории. Их до сих пор преподают в школе, печатают в книгах, считают непрекаемой истиной. А параллельно с мифами имперской истории рассказывались и другие истории, попроще. В Петербурге все время происходит что-то «небываемое».

«Небываемое» случается самого разного рода; общее только одно – уже четвертое столетие в Петербурге устно и письменно передают множество историй о столкновениях человека с Неведомым.

Кроме исторических мифов, в Петербурге выросло множество мифов бытовых. У Петербурга есть особенности, благодаря которым в городе всегда будут видеть привидения, а законы природы будут нарушаться. Если привидений «не бывает», в Петербурге их все равно будут встречать. Если известные нам законы природы никогда не нарушаются, в Петербурге все равно будут сообщать об их нарушении – и найдется множество свидетелей. В Петербурге постоянно проявляют себя какие-то таинственные силы...

Возможно, в Петербурге мир иной почему-то оказывается ближе к миру людей, чем в других местах.

Возможно, на севере, в зоне шаманского комплекса у человека по-другому работает воображение.

В любом случае тут постоянно говорят о столкновениях человека с явлениями, которые он не в силах объяснить средствами рационального знания, средствами современной науки. Рациональный подход – единственный способ, данный нам для понимания окружающего. Наш ум слаб, накопленных знаний всегда не хватает, любая модель не полностью отражает изучаемый феномен, что-то всегда остается непостижимым. Все так. Но все, что мы можем применить, пытаясь понять окружающий нас мир – это свой ум, применение научных методик, накопленный опыт. Других инструментов у нас нет.

¹⁵ 1 Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. – СПб: Норинт, 1997. – С. 11.

¹⁶ 2 Пыляев М. И. Старый Петербург. – СПб: Изд-во А.С.Суворина, 1889. – с. 20.

Блокада: материализация мифа

Давно известно, что своих желаний надо бояться: не всегда, но все же бывает – они реализуются. По-видимому, надо бояться и исторических мифов: они могут материализоваться.

Миф о «городе на костях» очень дорог сознанию петербуржцев. Народная память хранила места массовых захоронений. Еще в первой половине XX века жители города указывали на места свальных могил строителей Города.

В 1950-х годах археолог Александр Данилович Грач (1928—1981) стал родоначальником археологии Петербурга: он первым начал систематические раскопки мест, которые народная легенда указывала как места массового захоронения «жертв царизма». Но Грач обнаружил не братские могилы, а огромные выгребные ямы, в которые закапывались пищевые отходы, в основном кости коров, свиней и баранов, которыми кормили строителей новой столицы.¹⁷

Недавно археологом Петром Сорокиным, который ведет раскопки в Петербурге, проверена еще одна история: в 1726 году Обри де ла Мотрэ рассказывал, что при строительстве дома английского купца Г. Эванса на углу Невского проспекта и Фонтанки «было найдено множество черепов тех несчастных людей, что погибли при рытье этого протока».

Сама история про то, что русло реки Фонтанки прорыли некие «несчастные» – уже фантастика. Но именно в этом месте Петр Сорокин обнаружил кладбище XV – XVI веков. Не свидетельство массовой гибели строителей Петербурга, а доказательство того, что русские живут здесь давно, задолго до XVIII века.

Если мы о реальности – число строителей, погибших между 1703 и 1717 годами называют разное, но мало вероятно, чтобы погибло больше 4—5 тысяч.

Смертность становится выше средней, когда А. Меншиков сообщал А. Макарову: «В [Петерпрофе](#) и Стрельне в работниках больных зело много и умирают беспрестанно, нынешним летом больше тысячи человек померло». Это произошло в 1716 при строительстве Ораниенбаума: тогда от эпидемии погибло несколько сотен человек за сезон¹⁸.

Это все. При строительстве Версаля погибло больше рабочих, чем при возведении намного большего по размерам Петербурга. Но миф-то дожил до наших дней!

Блокада Ленинграда, когда за два года умерло больше трети населения города – материализация мифа. Петербург не был «городом на костях», но он им стал. Неужели сами накликали!?

Сама по себе блокада продолжалась 872 дня: с 8 сентября 1941 по 27 января 1944. Блокада унесла жизни примерно 1.2—1.5 млн человек – 40% тогдашнего населения города. Официальная точка зрения с 1941 по настоящий момент: Блокада была «неизбежностью». Прорвать кольцо блокады было нельзя, доставить продовольствие в город нельзя, сдать город тоже нельзя, вывезти его жителей – опять же нельзя.

Долгое время сам факт Блокады замалчивался. 13 сентября газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение Совинформбюро: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением».

Людам, которые получали командировки в Ленинград зимой 1941 и 1942 годов, «не советовали» рассказывать то, что они видели. Слухи ходили, конечно, но власти старались, чтобы известно было поменьше.

¹⁷ 1 Археологические раскопки в Ленинграде. (К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в.). – М.; Л.: Наука, 1957.

¹⁸ 2 Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века / АН СССР. Б-ка. – М.; Л., 1957. – С. 81

После снятия блокады в 1944 году сводить воедино и тем более обнародовать данные о смертности в Ленинграде было строжайше запрещено.

Впервые «точные данные» о количестве погибших появились в книге Дмитрия Васильевича Павлова, который в 1941—1942 годах был уполномоченным Государственного Комитета по Обороне по продовольствию в Ленинграде и ленинградской области. Он сообщал, что умерло 641 803 человека¹⁹. Эта информация вплоть до 90-х годов считалась «единственно правильной».

Книга выдержала шесть изданий, написал Павлов и другие творения²⁰

Судя по всему, Павловым были очень довольны: в 1942—1946 годах он уже начальник Управления продовольственного снабжения всей Красной Армии. После войны занимал министерские посты. С 1972 года – персональный пенсионер, умер в 1991 году, в возрасте 86 лет.

Конечно же, книги этого человека, ставшие основой официальной советской «правды» о Блокаде, совершенно лживы. Конечно же, Павлов ничего не писал о том, как в блокадном Ленинграде в 1941—42 ленинградским управлением НКВД было арестовано от 200 до 300 сотрудников ленинградских высших учебных заведений и членов их семей – по обвинению в проведении «антисоветской, контрреволюционной, изменнической деятельности».

По итогам нескольких состоявшихся судебных процессов Военным трибуналом войск Ленинградского фронта и войск НКВД Ленинградского округа было присуждено к смертной казни 32 высококвалифицированных специалиста. Четверо были расстреляны, остальным мера «наказания» была заменена на различные сроки исправительно-трудовых лагерей. Многие арестованные ученые погибли уже в следственной тюрьме и лагерях. В 1954—55 годах осужденные были реабилитированы, а против сотрудников НКВД возбуждено уголовное дело²¹

В книге Павлова нет ни слова и про Музей обороны и блокады, экспонаты для которого собирали сами ленинградцы. Музей открыли еще во время войны, а в 1949 он был уничтожен, его руководство и активисты репрессированы по «Ленинградскому делу». Комиссия ЦК ВКП (б), прибывшая для «ревизии» музея, пришла к выводу, что его создатели «незаслуженно приписали» подвиг воинам и горожанам, «создавали миф об особой „блокадной“ судьбе Ленинграда» и даже «принизили роль товарища Сталина в обороне города».

Тем более, Павлов ничего не писал про каннибализм. Что он был – знали все «блокадники»; в 1960-е – 1970-е уцелевшие жители Города рассказывали о нем достаточно откровенно. Но ни в какой книге нельзя было прочитать, что в феврале 1942 за людоедство было осуждено более шестисот человек, в марте 1942 – уже больше тысячи²².

Тема эта табуирована до сих пор, но мне «блокадники» рассказывали об этом не раз. В числе своих информаторов могу назвать и своих тётъ: и родную, и троюродную. И своего научного руководителя. И двух семейных знакомых.

Один из рассказов выглядит так:

– Трудно понять до конца, какой это был ужас... Про людоедство могу сказать: в декабре 1941 мы с отцом шли продавать его золотые часы «Павел Буре»... Ну, не продавать – менять на хлеб. Хлеб этот был очень хороший, пропеченный – его ведь пекли для начальства. Давали тогда еще много – по три грамма хлеба за грамм золота. Позже давали грамм за грамм.

Мы с отцом шли мимо Гостиного двора... Тут на углу Невского и Перинной лежал труп. Никого тогда уже такое зрелище не удивляло, мы прошли себе мимо. А когда шли обратно,

¹⁹ 1 Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. – М.: Военное изд-во МО СССР, 1958.

²⁰ 2 Павлов Д. В. Стойкость. – М.: Политиздат, 1981. – 367 с. Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. – 6-е изд., испр. и доп. – Л.: Лениздат, 1985.

²¹ 1 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. – М: АСТ, 2005. – С. 679,680.

²² 2 Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. – М: АСТ, 2005. – С. 679.

примерно через полчаса, у трупа была отрублена нога. От колена ниже лежало рядом, а мясистые части исчезли.

Другой рассказ человека, семья которого выжила только благодаря тому, что жила в частном доме с погребом. В сентябре 1941 выкопали картошку и засыпали полный погреб, это стало спасением. Рассказ такой:

– Недалеко часть стояла, зенитная. Бабахали часто, но, чтобы подбили самолет, я не видел. Кормили солдат, а тут вдруг перестали подвозить. А детишки, которые без родителей остались, мы их часто видели. То ходят, а то уже прилягут... Видел своими глазами, врать не буду, как солдатики одну такую унесли... Что делали – не смотрел, не пошел за сарай. Но что потом они суп варили – это видел. Ну и это... из чего суп, тоже видел.

Разумеется, такого рода свидетельства замалчивались десятки лет. Говорить о блокаде полагалось только торжественными словами, восхваляя силу духа и героизм умирающих от голода и холода. Лживая до отвращения книга Павлова публиковалась раз за разом, а «Блокадная книга» выходила только через 20 лет после павловской, и отдельными фрагментами. Без купюр ее впервые издали в 2013 году²³.

Впрочем, и до нее публиковались книги, камня на камне не оставлявшие от официальной версии²⁴.

Но самой страшной «тайной» в СССР было даже не число погибших. Гораздо более страшная тайна – что в Ленинграде во время Блокады продовольствие было, и что его постоянно привозили. Что при желании властей все население Ленинграда могло быть снабжено продовольствием, начиная с осени 1941 года. И что запасы продовольствия в Ленинграде были.

«Городское и областное руководство проблем с продовольствием не испытывало: «В правительственной столовой (Смольного. – Ю.К.) было абсолютно все, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки», – это дневник сотрудника столовой Смольного. Из воспоминаний ленинградского инженера-гидролога: «Был у Жданова (первый секретарь Ленинградского горкома. – Ю.К.) по делам водоснабжения. Еле пришел, шатался от голода... Шла весна 1942 года. Если бы я увидел там много хлеба и даже колбасу, я бы не удивился. Но там в вазе лежали пирожные».

В этом контексте абсолютно логичной выглядит телеграмма Андрея Жданова в Москву с требованием «прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград... это вызывает нехорошие настроения». Более того, в Москве, в частности, в партийно-номенклатурном руководстве Союза писателей, сложилось мнение, что «ленинградцы сами возражают против этих посылок». Берггольц по этому поводу воскликнула в дневнике: «Это Жданов – „ленинградцы“?!»

[Сам по себе вопрос о «посылках» крайне интересен: значит, посылать их было возможно? Организации могли слать в Ленинград индивидуальные посылки? Тогда – как же блокада?! – А.Б.]

А вот фрагмент (запись от 9 декабря 1941 года) дневников сотрудника Смольного, инструктора отдела кадров горкома ВКП (б) Николая Рибковского: «С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак – макароны или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днем обед – первое щи или суп, второе мясное каждый день. Вчера, например, я скушал на первое зеленые щи со сметаной, второе – котлету с вермишелью, а сегодня на первое суп с вермишелью, второе – свинина с тушеной капустой». Весной 1942 года Рибковский был отправлен «для поправки здоровья» в партийный санаторий, где продолжил вести дневник.

²³ 1 Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. – СПб: Лениздат, Команда А, 2013.

²⁴ 2 Стахов Х. Г. Трагедия на Неве: шокирующая правда о блокаде Ленинграда, 1941—1944. – М.: Центрполиграф, 2011. Яров С. В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941—1942 гг. – М.: Центрполиграф, 2012. Гланц Д. Блокада Ленинграда 1941—1944. – М.: Центрполиграф, 2009. – С. 41.

Еще один отрывок, запись от 5 марта: «Вот уже три дня я в стационаре горкома партии. Это семидневный дом отдыха в Мельничном ручье (курортная окраина города. – Ю.К.). С мороза, несколько усталый, вваливаешься в дом, с теплыми уютными комнатами, блаженно вытягиваешь ноги... Каждый день мясное: баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, 300 грамм белого и столько же черного хлеба на день... и ко всему этому по 50 грамм виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину... Я и еще двое товарищей получаем дополнительный завтрак: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая... Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь гроыхание орудий...». Данные о количестве продуктов, ежедневно доставлявшихся в Ленинградские обком и горком ВКП (б) в военное время, недоступны исследователям до сих пор. Как и информация о содержании спецпайков партийной номенклатуры и меню столовой Смольного»²⁵.

Значит, все время Блокады в Петербурге были люди, которым с Большой Земли посылались ветчина, яйца, мясные консервы, сыры, – не говоря о крупах и хлебе? Причем эти продукты выдавались, и не такому уж малому числу людей. Несколько десятков тысяч советских начальников получали свои спецпайки и жили совсем не так уж плохо посреди вымиравшего города. Да куда там «неплохо»! Неплохо – это в плане снабжения продуктами. А они ведь к тому же вполне могли, и кое-что нажить – например, драгоценности, произведения искусства. Стоило все это недорого.

Другие же жители Ленинграда получали 125 граммов хлеба в сутки. Половину из этих «граммов» составляли «условно-съедобные примеси».

Даже официальные цифры говорят, что в Ленинграде осени-зимы 1941 года расходовалось 510 тонн муки в сутки. Но элементарный расчет говорит, что для пайков, реально выдававшихся населению Города, нужно было всего 179 тонн муки²⁶. На что же и на кого расходовалась остальная мука?

Таковы факты – во время блокады Ленинграда продовольствие в городе было. Вопрос, для кого оно было, а для кого продовольствия не было. Одни жили себе и даже наживали золото и картины, другие обречены были на смерть.

Добавлю еще, что «бывших» старались не вывозить из вымиравшего города, и например, вторая семья Николая Гумилева, его вдова и почти взрослая дочь умерли от голода. Если же «бывшие» выезжали из Петербурга, то их после Войны старались не пускать обратно.

Вот и получается, что Блокада укладывается в чудовищную, но вполне реальную и вполне логичную картину убийства города.

Казалось бы – зачем нужно убийство Санкт-Петербурга? Зачем новая волна смертей – и старых петербуржцев, и тех, кто только начал ими становится?

В том-то и дело, что логика тут есть, и беспощадная. Вспомним идею борьбы азиатского и европейского начал в России, – причем азиатское начало олицетворяется Москвой, а европейское – Петербургом. Эту мысль очень любил и совал куда надо и куда не надо Николай Бердяев, но, в общем, он только ярко иллюстрировал то, с чем принципиально были бы согласны если не все – то 90% людей его круга.

Трудно отделаться от мысли, что большевики мыслили так же – только знаки у них полярно менялись полюсами. Где у Бердяева был «плюс», у них «в Европе» располагался «минус». Вот и все!

Город, олицетворявший русский европеизм, следовало уничтожить.

Людей, воспитанных в этом городе как русские европейцы, следовало истребить, чтобы не мешали «строить светлое будущее».

²⁵ 1 <http://www.rg.ru/2013/01/18/blokada.html>

²⁶ 3 Там же, с. 90

Очень интересно, что эта оценка Петербурга полностью разделялась и нацистами. Существовала «специальная оценка нацистами ленинградского населения. Оказывается, в России два мира – Москва и Петербург. Москва – это олицетворение азиатской деревни, при необходимости она может стать навозом, нужным для рейха.

А вот Петербург – это его жители создали из «навоза» империю, стремившуюся на запад. Вывод – Петербург опасен для рейха. Петербург необходимо уничтожить.

Была секретная инструкция членам НСДАП – чтобы они не вступали лишней раз в разговоры с русскими, и проявляли большую осторожность в этих разговорах. Русские – хорошие диалектики, они умеют спорить и «обладают способностью убеждать в самых невероятных вещах». Самыми же опасными в этом отношении людьми объявлялись именно жители Санкт-Петербурга²⁷.

Удивляться не стоит – национальные социалисты гораздо меньше отличаются от интернациональных, чем хотелось бы и тем, и другим.

²⁷ 1 Криптон К. Осада Ленинграда. – Нью-Йорк. Изд-во имени Чехова, 1952. – С.234—235.

Привидения Блокады и Войны

Совершенно невероятно, чтобы трагические события 1940-х годов не оставили своих призраков. Поразительно, что в Петербурге почти нет фольклора о призраках воевавших и погибших советских и не только советских солдатах и офицерах. Не говоря ни о чем другом, еще в 1980-е в непосредственных окрестностях Ленинграда оставались непогребенные останки военнослужащих.

Еще более поразительно, что почти не говорят о жертвах блокады.

Причина, скорее всего в том, что тема табуирована не только политически, но и психологически. Есть вещи, которые скорее стараются забыть, вытеснить в самые дальние уголки сознания. Они слишком болезненны.

Помимо индивидуальных психологических причин или не замечать явления, или, по крайней мере, не распространяться (по возможности – и не думать) о нем, есть и общественные установки.

Если умерший в блокаду или погибший на Невском пятачке человек появляется в 1970-е годы или появился в наше время, неизвестно, как отнесутся к таким сообщениям окружающие. Вас могут поднять на смех, а могут счесть такие сообщения попыткой оскорбления памяти павших, едва ли не кощунством.

Наконец, тема Блокады всегда была в разной степени табуирована, и остается в значительной степени табуированной – хотя и не так, как в советское время. Читатель вряд ли удивится, что мне много раз рассказывали о Блокаде то, что нисколько не соответствовало официальным версиям. Что в этих историях истина, что нет – трудно судить.

Призраки умерших в Блокаду почему-то не появляются в исторической части Санкт-Петербурга, в «императорском» городе, существовавшем до конца правления Александра II. Исключение – призрак почетного Председателя Императорского Русского Технического Общества в 1892—1917 годах, Его Императорского Высочества великого князя Александра Михайловича (1866—1933) ... но он умер не в блокаду и вообще не в Петербурге.

Внук Николая I, друг детства императора Николая II, которому он приходился двоюродным дядей, он в 1894 году женился на своей двоюродной племяннице Ксении Александровне – старшей дочери Императора Александра III, родной сестре Николая II.

Судя по всему, Александр Михайлович был человек исключительного ума. Убежденный сторонник прогресса, он сам водил машину, умел летать на самолете. У себя на даче он поставил одну из первых батарей парового отопления, не раз жертвовал деньги на проведение промышленных выставок и проведение экспериментов, активно развивал воздухоплавание.

Александр Михайлович предсказал неизбежность войны с Японией, и был сторонником «концепции Бадмаева» – контролировать и присоединять к Российской империи Центральную Азию, патронировать Китай. Он не был тогда услышан: другим великим князьям слишком хотелось зарабатывать деньги на лесных концессиях в Корее.

Он остался в живых потому, что вовремя уехал из России – осенью 1918, после поражения Германии. Он активно убеждал союзников помочь Белому делу, и не его вина – не удалось.

Кстати, верил в существование привидений (ну что вы хотите? Феодал... Дикий, средневековый тип...). Сохранилась его фраза, произнесенная в последние годы жизни, уже во Франции:

– Все равно я в Россию вернусь живой или мертвый.

Долгое время я считал, что Александр Михайлович первый раз появился только в 1992 году – видимо, не хотел помогать коммунистам, и до падения советской власти оставался не здесь. В 1992—2009 годах его несколько раз видели в здании Музея прикладных знаний, по улице Пестеля, 2. В его времена здесь находились выставочные залы Русского техниче-

ского общества, стремившего всемерно содействовать развитию техники и промышленности в России.

По словам наблюдавших его, «этот полупрозрачный худой» с интересом рассматривал экспонаты на выставке; при попытке подойти к Александру Михайловичу он превратился в туманное облако и растворился.

История появления Александра Михайловича в январе 1942 года была рассказана мне совсем недавно. Мой информатор, в 1942 – десятилетний мальчик, нес ведро воды с Фонтанки. Мальчик поскользнулся, и, по его словам, «прилег». Задыхался, зелень в глазах, встать трудно.

«Вдруг появился» некто «высокий, худой», и с очень знакомым лицом. Этот «высокий худой» подхватил ведро, донес его до арки и входа во двор. Парень встал и засеменял за своим спасителем, а тот в полутьме арки поставил ведро и исчез так же неожиданно, как появился. Портрет великого князя парень увидел спустя несколько лет в запасниках Музея, и сразу узнал незнакомца.

С одной стороны, это единственный случай появления призрака во время Блокады. С другой стороны – почему Блокада должна была стать причиной не появляться уже давно появляющимся привидениям? Возможно, они и появлялись, да некому стало рассказать.

Впрочем, это не призрак умершего в Блокаду, а именно такие привидения в «императорской» части города мне не известны. Призраки военного времени появляются:

- на Петроградской стороне, в зданиях, возведенных между 1903 и 1917 годами;
- в новостройках Калининского района;
- в дачных районах.

В зданиях Петроградской стороны

Автор сих строк лично встречался с некими своеобразными сущностями, появлявшимися (а возможно, появляющимися и сейчас) в доме по улице Профессора Попова, 2.

Призрак человека, умершего от голода в 1942 году, прошел мимо меня около 2 часов ночи в январе 1987 года. Я заметил его, проходя по основному коридору в туалет. Света не зажигал, но в этом месте лунный свет падал с улицы из другого коридора, ведущего на балкон. Призрак шел в противоположную мне сторону. Сделав свое дело, я вернулся и стал искать – куда он мог деваться?! Вышел на парадную лестницу. Здесь серый полусвет позволил увидеть прозрачную фигуру метрах в четырех от меня. Человек с грустным лицом стоял, опираясь на перила широкого пролета. Сквозь него была хорошо различима противоположная стена. При моем появлении человек повернул лицо в мою сторону. Ничего демонического – очень худое, изможденное лицо. Было очевидно, что общаться ему не хочется, я тут лишний. Заговорить я не решился... постоял и ушел. Страшно стало только в своей комнате, спал я при свете настольной лампы.

Дом советов

Другая история связана с Домом Советов, или Дворцом Советов, восьмиэтажным домом высотой 50 и длиной 250 метров. Сооружался Дом Советов в 1936—1941 году по проекту архитектора Н.А.Троцкого, а после его смерти в 1940 году завершали строительство Я. Н. Лукин, М. А. Шепиловский и другие.

Дом Советов планировали возвести на пересечении двух будущих важнейших магистралей – Международного (Московского) проспекта и Центральной дуговой магистрали. Строили его буквально в чистом поле за пределами тогдашнего города.

Перед Домом Советов, на громадной площади в 38 или в 50 га думали создать большую парадную эспланаду, триумфальные арки, административные здания. Вдоль Центральной дуговой магистрали (от Кировского района к Невскому) планировалось создать «ожерелье» площадей. Планировалось, что тут будет находиться новый центр Петербурга, а старый утратит значение.

Создание нового «советского» центра города не состоялось, но и с построенным Домом Советов связано множество легенд. Давно говорят о том, что здание под землей имеет еще 8 этажей, и что строителей Дома советов, «слишком много знавших» политизаключенных, в нижних подземных этажах живыми залили бетоном. Впрочем, нет никакой уверенности, что это только легенда.

По крайней мере, проект Ленинградского Дома Советов в 1939 году исполнил архитектор В. М. Максимов. Но не было никакого архитектора В.М.Максимова! Был репрессированный и расстрелянный архитектор А.А.Максимов (1876 -1936).

Предполагают, что изображение проекта создал художник-архитектор В.А.Максимов (1892 – 1942), сын А. А. Максимова, погибший в Ленинграде во время блокады. Если это так, то инициалы Максимова сознательно искажены, – упоминать «врагов народа» и членов их семей не полагалось, «пришлось» выдумать несуществующего В.М.Максимова.

Если так поступали с видными и залуженными людьми, подданных советской империи попроще могли и бетоном залить.

Еще рассказывают, что во время Войны 1941—1945 годов снаряды и бомбы не тронули Дом советов в 1941—1944 годах, потому что НКВД распространило слух – на верхних этажах Дома советов содержатся пленные немецкие офицеры.

Это уже заведомая легенда, потому что есть фотографии повреждений, нанесенных зданию вражеской артиллерией.

Насколько мне известно, никто никогда не собирал фольклор, связанный с Домом Советов и окружающими зданиями. Но какого-то «худого оборванного, в телогрейке» раза два видели в метельные ночи в 1980-е годы, на площади перед зданием. Призрак строителя Дома Советов? Призрак зека, умершего во время Войны?

Петербург 70% населения

70% современных жителей Петербурга обитают в шлакоблочных домах, построенных промышленным способом после 1956 года. Такие здания собирают из изготовленных на заводе блоков.

Петербург не только возник и вырос мгновенно по историческим меркам. Он неправдоподобно быстро «вырастил» новые районы. Возможно, как раз эта мгновенность формирования и есть причина, по которой фольклор этих районов еще не успел сложиться. Это сегодня центр Петербурга – место с богатейшим фольклором. А так ли было, скажем, в 1723 году? В 1728 году? Через 20 и 25 лет после появления города?

Возможно, фольклор новостроек еще только формируется.

Трудности формирования фольклора новостроек еще в том, что общий городской фольклор уже существует. Фольклор Императорского Петербурга так обширен, что просто не остается места для историй, связанных даже с Большим Петербургом. А уж тем более, в богатейшей коллекции санкт-петербургского фольклора не хватает места для всяких там худородных призраков крановщиков, продавщиц цветов или водителей маршруток, проживших жизни и погибших или умерших в Автово или в девятиэтажках Гражданского проспекта.

До сих пор жители города воспринимают районы панельной застройки как «ненастоящий» Петербург, как нечто второстепенное по отношению к центру. «Новостройка» – пренебрежительно говорили еще в 1980-е. В 1960-е – 1970-е даже ходило нечто вроде проклятия: «Чтоб тебе в Калининском районе жить!»

Вместе с тем в этих новых районах поразительным образом сохраняется та же планировка, тот же стиль организации пространства, что и в центре. Естественно, на окраинах точно так же сказывается северное положение города, пресловутый «шаманский комплекс».

И на современной окраине это город, «построенный Петром», с той же историей и соответствующим набором исторических мифов.

Всю свою историю Петербург «наполняется» новыми и новыми персонажами, хоть каким-то образом связанными с ним. Даже мой куцый опыт позволяет утверждать – Петербург и в 1970-е – 2010-е годы оставался городом призраков, городом удивительных историй.

И сегодня, как и всю прежнюю историю Петербурга, в нем очень силен интерес к явлениям, над которым никак не властен человек. Сильный, порой болезненный интерес к потустороннему заставляет домысливать и мысленно «достраивать» урочище, наполнять его новыми смыслами. Город властно заставляет осознавать свою преемственность от живших ранее.

Это значит, что в Петербурге не может не возникнуть городской фольклор вполне определенного типа, заданный особенностями Города. Каждая эпоха находит свои способы использовать потенциал урочища, выдвинет своих героев и «героев», которых поместит в ее пространство.

Скорее всего, в «новостройках» уже рассказывают даже о призраках, которых нет. Остается собрать и обработать этот пласт.

Появление же реальных призраков тут одновременно облегчено и затруднено.

Облегчено, потому что жителей новостроек намного больше, чем жителей Исторического Петербурга: в десятки раз больше чем в 1800 году, в три раза больше чем в 1900.

А среди людей ныне живущих поколений, даже самого скромного общественного положения, намного больше людей со сложной индивидуальной судьбой, богатым внутренним миром и непростыми переживаниями, чем дворян и разночинцев давнего и недоброго XVIII столетия, даже интеллигентов начала XX века.

Сегодня людей, которые могут стать городскими привидениями, в десятки и сотни раз больше, нежели раньше, и счесть их затруднено, потому что одно из «правил появления призраков» тут «не работает»: здания сложены не из песчаника и не из гранита.

Призрак погибшего автолюбителя

На одной из улиц, пересекающих под прямым углом проспект Просвещения, несколько раз видели человека, погибшего в автомобильной аварии: метельным вечером грузовик врезался в жигули местного жителя.

Человек появлялся непосредственно возле венка, которым отмечено место его гибели на трассе. Призрак не вступал в общение, и, судя по растерянному виду, просто не понимал, где он очутился и что ему теперь делать. По одним данным, через некоторое время он исчез. Иногда уточняют – «после поминальной службы». По другим, погибшего автомобилиста видели и зимой 2013—2014 годов, метельным вечером.

Призраки детей

Эти призраки появлялись, а может быть, и появляются на Гражданском проспекте, к северу от проспекта Науки. Осенними и зимними вечерами к машинам, в которых сидит одинокий водитель, и которые останавливаются на красный свет, подбегают трое детей, – две девочки лет 10 и мальчик не старше 8 лет. Внезапно появившиеся дети одеты в пальто и валенки, на головах девочек – платки. Дети изможденные, бледные, и всегда бросаются к машине с криком:

– Хлеба! Хлеба!

Как только на них обращают внимание (а не обратить невозможно), дети начинают умолять о хлебе.

По одному из сообщений, призраки навсегда исчезли после того, как сердобольная девушка отдала им только что купленный хлеб. Эта водитель о детях-призраках никогда не слышала, и не поняла, с чем имеет дело. Дети жадно схватили протянутую в окно белую булку... К ужасу и изумлению молодой женщины, они просто исчезли. Не растворились в воздухе, а исчезли, как не бывало. Раз – и нет.

В 1940-е в этом месте находилось село Русская Гражданка. Естественно, в числе жителей села во время Блокады были жертвы, среди них – дети. Это единственное, чем я могу объяснить сам факт появления маленьких призраков.

Эту историю приходится относить к числу достоверных, потому что о детях сообщал не один человек. Появление детей одно время, в начале 2000 годов, даже вызывало страх у автомобилистов; слышавшие эту историю старались не останавливаться на «опасном» участке.

Конечно, все свидетельства о появлении призраков XX столетия следует собирать и изучать... При том, что здесь необходима особая деликатность. Ведь речь идет о жертвах совсем недавних и чрезвычайно трагичных событий, которые далеко не изгладились из народной памяти. И все эти жертвы имеют в Петербурге достаточно близких родственников, порой непосредственных потомков.

Призраки непогребенных

С дачными районами связаны минимум три известных мне истории о том, что непогребенный советский солдат снился информанту. В двух случаях – родственникам, в одном случае – владельцу дачи, на территории которой лежал погибший. Во всех трех случаях останки находили именно там, где указывал приснившийся человек. После того, как останки погребали, а в Церкви заказывали панихиду, сниться солдат переставал.

Все эти случаи произошли довольно давно – с 1979 по 1985 годы. В те времена непогребенные советские солдаты как бы «не существовали».

Мне не известен ни один случай появления призрака немецкого, эстонского или финского солдата – а на подступах к Санкт-Петербургу их погибло немало.

Изучать фольклор (или не только фольклор?) о появлении умерших в Блокаду и погибших солдатах трудно. Вообще информации о призраках XX века крайне мало, а все связанное с Войной и Блокадой табуировано очень прочно. Тем не менее, в коллективной памяти петербуржцев этот фольклор существует. Он нуждается в сборе, в систематизации и в изучении.

Михаил АНИКИН

СТИХИ О БЛОКАДЕ

КОЛОКОЛ

Слово-колокол Духа —
Все звенит и звенит.
Пробивается глухо
Сквозь забвенья гранит.

И строкою шершавой
Приникает к сердцам.
Павшим – память и слава,
Матерям и отцам.

Всем, кто в грозные годы
Смог спасти и сберечь
Тайну нашей свободы-
Святорусскую
Речь!

В 42-ом году
Отец мой пошел на фронт.
А было ему тогда
Всего лишь семнадцать лет.

Всего лишь семнадцать, брат,
За спиной – Ленинград.
А впереди – огонь
Вражеских батарей.

Выжил и победил,
Выстоял все же он...
Сыну фронтовика —
Стыдно мне
Отступить.

Нам не семнадцать, друг,
За спиной – Петербург,
Блеск его куполов,
Эхо его дворов.

А впереди огонь,
Снова огонь врагов.
Надо идти вперед,
Дети фронтовиков.

Где же и кто же враг
В тихом теченье дней?

Сердце свое спроси,
Совість спроси свою.

Враг наш извечный вот:
Громкая, злая ложь...
Господи, помоги
В вечной войне.

Боже мой, не отдай
На растерзанье вновь
Этот священный край —
Боль мою и
Любовь.

Анны, Натальи,
Татьяны, Лидии
Да Александры,
А также Марии...
Сколько, Россия,
Твоих дочерей
Ждут возвращенья
Своих сыновей.

А сыновья
Не спешат возвратиться,
С ними уже
Ничего не случится...
С ними уже
Все случилось -ей-ей-
Канули в вечность.
Ждут матерей.

СТАРАЯ ДЕВА

Быть замужем – счастье, наверное,
Прекрасно – ребенка родить...
Без мужа – вся жизнь исковеркана,
Все будут судить,
Да рядить.

А если жених твой погиб на войне,
Другого, увы, не нашла...
Тогда ты несчастна вдвойне и втройне,
Вся жизнь твоя даром прошла?

Ну, нет, ты хранила, как крест на груди,
Священную память о нем...
О том, кто в атаку шагал впереди,
Кто помнил о взоре твоём.

Вы встретились там – за чертою земной,
Я верю – уже навсегда...
О, жизнь, исковерканная войной,
Тебя не избыть никогда!

9 мая

Как в ладоши бы ни били,
Что бы злобно ни плели,
Это мы освободили
И Варшаву,
И- Берлин.

Наши танки брали Прагу,
Сохранили третий Рим...
Есть,
Не вымерла отвага,
Надо будет-
Повторим!

О, времена самозабвения,
О, дух неведения и тьмы...
Победе, равной пораженью,
Как дети,
Радуеться мы.

А я ведь помню, как когда-то
Старухи плакали навзрыд,
Свой вспоминая 45-й...
Не дай вам Бог
Таких обид.

Все то же головокруженье
У генералов и юнцов...
В победах, равных пораженью,
Не позабыть бы
Кровь отцов.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Мы живем на погосте
Под беспечный парад...
Пискаревские кости
Громче труб говорят.

Миллионы убитых
Ради светлых идей...
Миллионы забытых-
Наших русских людей.

Под заздравные речи,
Под губительный рок
Нам ложится на плечи
Поминальный снежок.

Тот уткнулся в корыто,
Эта в бездну спешит...
Но – «ничто не забыто,
И никто
не забыт!».

Не ради заздравного духа,
А ради свободных людей,
Твержу я для русского уха:
Империя выше смертей.

Ее растащили на части,
Над нею кружит воронье,
Но выше их временной власти
Святое презренье мое.

Россия из пепла восстанет,
Луч солнца сверкнет золотой...
Вовеки рассвет не увянет
Над нашей родимой страной.

Да здравствует все, чем мы живы,
Да здравствует все, что болит.
Да здравствуют русские нивы,
Да здравствует невский гранит.

Да здравствуют братья и даже
Да здравствуют наши враги...
Пускай загорают на пляже,

Мы вымоем там сапоги!

РУССКИЕ ГЕРОИ

Они останутся в веках,
С землею слившись, с облаками....
Как одуванчики в полях,
В людских глазах.
В людских сердцах...
Они всегда пребудут с нами!

А с ними быть им ни к чему,
С неблагодарными сынами,
Забывшими, как злую тьму
Почти что голыми руками
Они сдержали – в ту войну.

Враг не прошел ни там, ни тут,
Они собою нас прикрыли.
Их в шар земной давно зарыли,
Но помнит Днепр, и помнит Прут,
Освобождения маршрут.

Не позабудут Будапешт,
Берлин и Прага золотая,
Как русский воин шел на крест,
Друзей собою прикрывая...
Во имя светлое невест.

Во имя жен и матерей,
Во имя вечное России....
...Когда героев хоронили,
То на груди они хранили
Нательный, православный
Крест!

сергей АЧИЛЬДИЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ БЛОКАДНИЦЫ

Лидия Степанова: «Тогда ни у кого не было слез»

Лидия Яковлевна Степанова рассказывала мне о своей трагической блокадной эпопее еще в середине 1980-х годов, когда я собирал материал для книги о детях войны.

В те дни уже наступала гласность, и о войне, о блокаде можно было говорить правду. Но и Лидия Яковлевна, и большинство других моих героев категорически не хотели вспоминать о своем военном детстве. Понять это было нетрудно. В их войне не было ни локальных побед, как у тех, кто воевал, ни даже единой большой победы в 1945-м, ведь многие были еще слишком малы, чтобы осознать всю значимость 9 Мая. К тому же, как признавались мне сами дети войны, для них Великая Отечественная продолжалась и потом, чуть не до середины 1950-х, потому что жить они продолжали так же – голодно, бедно, в каком-нибудь закутке...

И все-таки, после уговоров, многие соглашались вернуться туда – в ад. Слова «это надо, надо для истории» почти на всех действовали безотказно. Они были из того поколения, для которого «надо» звучало как приказ...

Еще две недели назад люди эвакуировались в тыл на поездах, а мы в середине сентября сорок первого года – в открытом грузовике. Потому что началась блокада, и ехать нам было всего ничего: из Московского района – в центр города. Здесь теперь и находился тыл.

Погрузили наши вещички, нас четверых – маму, папу, Мишу (моего старшего брата) и меня, одиннадцатилетнюю, – и отвезли в дом номер пять по улице Рубинштейна. Это третий дом от Невского проспекта, по той стороне, где на углу рыбный магазин²⁸.

Конечно, мама с папой имели возможность своевременно, еще в начале июля, отправить нас с братом из Ленинграда. В те дни, несмотря на летние каникулы, всех ребят собрали в школе и объявили, что, кого родители согласятся отпустить, тот уедет. Дома на семейном совете мама сказала:

– Многие женщины оставляют детей. Отправка по желанию. Раз по желанию, значит, ничего серьезного, перестраховка. Значит, Ленинград не сдадут. Лучше нам быть вместе.

И папа с ней согласился.

Даже уже в сентябре война не казалась смертельно опасной. Во всяком случае, для Миши, которому было уже тринадцать. Как бомбежка – он на крышу, тушить зажигалки. Я пыталась увязаться следом, но он мне сразу отрезал:

– Ты – девчонка, а воевать – не девчонское дело! Мало ли что случится! Мы, мальчишки, прорвемся, а с тобой чего? Возиться?

От кого прорываться? Куда? Война еще оставляла место романтике...

До войны мама работала поваром в детском саду, в том самом, куда мы с Мишей ходили, когда были маленькими. Сначала пошел в школу Миша, потом – я, но мама так и оставалась на той работе. В августе сорок первого малышом эвакуировали и садик закрыли, поэтому мама перестала работать. А папа в сентябре еще несколько раз ходил на службу, но вскоре и он стал

²⁸ 1 В сентябре 1941 г. всего за два дня из южных районов города, ставших теперь прифронтовыми, в экстренном порядке было переселено в центр более 50 тыс. человек. Почти 38 тыс. из них жили прежде в Московском районе. Половину всех переселенцев составляли дети.

целыми днями сидеть дома. Папа был контролером ОТК на «Скорходе». Он страдал чахоткой, так что на фронт его, конечно, не брали.

На Сызранской улице у нас была комната метров пятнадцать квадратных, а здесь, на Рубинштейна, досталась побольше – метров двадцать. Но в ней было все чужое – еще недавно тут жили какие-то артисты, – и папе было абсолютно нечего делать. Зато маме выпало забот невпроворот. И прежде-то быт был тяжелый, а с началом блокады сделалось вовсе невозможным. Каждый шаг превращался в задачу невероятной сложности. Главное – это, конечно же, поесть. У мамы с папой, хотя они и не ходили на работу, сохранялись рабочие карточки, у меня – детская, у Миши – иждивенческая. Но делили паек так: отцу мама давала побольше – он же мужчина, да к тому же больной, – потом – нам с братом, а остальное, что останется, – себе²⁹.

Первым слег папа. Тогда нам казалось, что это из-за туберкулеза. Только гораздо позже я поняла, что мужской организм тяжелее переносит голод. Следом слег Миша. После – мама.

Я и прежде всегда помогала маме. У нас так было заведено в семье. Я даже не помню, чтоб когда-нибудь играла в куклы. Я была у мамы помощница, и это мне казалось более интересным, чем игрушки. Но теперь надо было стать не помощницей, а самой все делать. От меня стала зависеть жизнь всей нашей семьи!

Правда, обязанности мои, по сравнению с мамиными, заметно сузились. Например, мытье. Еще в октябре и даже, по-моему, в ноябре мама устраивала банные дни. Если текло из крана, запасали воду заранее, а нет – приносили с Фонтанки, кто сколько мог. Мама нагревала на печке большую кастрюлю и мыла в тазу сначала меня, потом Мишу, а потом и они с папой мылись. Я никаких банных дней, само собой, устраивать не могла. И печку топилась всего раз в день, и уборку делала не так тщательно... Впрочем, каждый шаг давался гораздо трудней – наступал сорок второй год.

²⁹ В ноябре и декабре 1941 г., то есть в самые тяжелые дни блокады, по рабочим карточкам питались 34,4% ленинградцев, по карточкам служащих – 17,5%, по иждивенческим – 29,5%, по детским – 18,5%. Такова была реальная социально-возрастная структура населения города. Но степень обеспеченности продовольствием эта статистика отражает плохо. По свидетельству блокадников старшего поколения, руководители крупных предприятий, районов, городских служб и всего города в целом, а также – в зависимости от ранга – неэвакуированные члены их семей в дополнение к обычным продуктовым карточкам имели карточки с литерами «А» и «Б». Даже ходила такая шутка: все ленинградцы делятся теперь на три категории – «аки», «бяки» и «кое-каки». Острота была меткой: на литеры кормили вполне сносно даже по меркам мирного времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.